

-901,3-0
6647

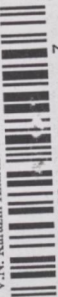
НИКОЛАЙ АСЪЕВЪ

ОКСАНА

1 р. 50 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00520259

7

801
PK-1

А-901,30

Николай Асѣевъ

О к с а н а

1916

58

ПЕРЕПЕЧАТКИ ЗАПРЕЩЕНЫ

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ „АВТОМОБИЛИСТЪ“ ВЪ МОСКВѢ

О к с а н а

Ксеніи Михайловнѣ

Синяковой

БЕЗУМНАЯ ПѢСНЯ

Рушится ночь за ночью;
Падай, безумье, падай!
Мы плѣнены воочью
Грозной твоей услодой.

Только метнетъ прожекторъ
Рѣзкую ясь—и снова
Темный уходитъ Гекторъ
Отъ очага родного.

Въ небо бросайтесь, въ небо,
Грохотомъ сумракъ взроемъ,—
Съ нами, кто смертнымъ не былъ,
Кто родился героемъ.

Тамъ въ золотомъ убранствѣ,
Въ мощи вѣчнаго пыла
Плავаетъ зоркій ястребъ—
Гонщикъ яростнокрылый,

Мы жъ изъ подъ вѣчныхъ яремъ,
Изъ подъ темнинъ окружныхъ
Разомъ въ него ударимъ
Воемъ тетивъ содружныхъ.

КРЕМЛЕВСКАЯ СТѢНА

I

Тобой очамъ не надивиться,
Когда, закатами увить,
На богатырской рукавицѣ
Ты—кровью вычервленный щиты!

И эти царственные грани,
Подъемя древній голосъ свой,
Ведутъ мой духъ въ былыя брани
Въ разгуль утѣхи громовой.

И мнится: къ плачущему сыну
Склонясь, лукавый Калита
Поетъ грядущую былину
Необоримаго щита.

II

И мнится:—шумною ратью
Поемъ и цѣдимъ вино;
И всѣ—крестовые братья,
И всѣ стоимъ за одно.

Но вдругъ—въ разгаръ пирушки,
Въ отвѣтъ на далекій ревъ—
Протяжно завоють пушки
Съ зеленыхъ твоихъ валовъ.

И пурпуръ—башни оближеть,
Ты встанешь—странно свѣтла:
Въ тотъ часъ мнѣ горло пронижеть
Замолкнувшая стрѣла.

ФАНТАСМАГОРІЯ

Н. С. Гончаровой.

Летаргіей бульварнаго вальса
Усыпленные лица подернувъ,
Въ электрическомъ небѣ качался
Повернувшійся солнечный жерновъ;
Покивали, грустя, манекены
Головами на тайныя стражи:
Опрокинулись тучами стѣны,
Звѣзды стали, стеная, въ витражи!
Надъ тоскующей каменной плотью,
Простремглавивъ земное круженье,
Магистралью на безповоротѣ
Облаками гремяло забвенье;—
Подъ бичами крѣпчающей стужи
Коченьль блѣдный знакъ Фаренгейта
И безумную пѣсенку ту же
Выводила полночная флейта.

СОМНАМБУЛЫ.

Вы, сокрытые зыбкою сѣтью
Голубѣйнаго вымысла,
Угрожаете смертью
Тѣмъ, чье сердце безуміе вынесло.

Ночь наводитъ понтоны
Надъ глухими гранитами;
Наши очи, наши губы безсонны,
Пребываютъ закрытыми.

Встали латники вала
Кинуть въ души намъ вихри и замяти,
И оставшихся мало:
Всюду други упали безъ пайяти.

Рвите сумрака черныя вены
Голубыми кривыми гранатами—
Но высокія вѣчныя стѣны
Покачнулись—и стали крылатыми.

Пусть же руки ослабли,
Пусть и сердце тревоги не вынесло,
Не опустимъ шумящія сабли
Предъ огнемъ голубѣйнаго вымысла.

ТОРЖЕСТВЕННО

Разумъ изрубленъ. И
Скомканы вѣчностью вѣжды...

Ты

Не отвѣтишь, Возлюбленный,
Прежняя моя надежда.

Но не извѣруюсь, мыслями стиснутый тѣсными,
Нѣтъ не извѣруюсь, Нѣтъ не извѣруюсь

Рѣже, но

Буду стучать къ Тебѣ дикій, взъерошенный, бѣшенный,
Буду хулить Тебя,

Чтобъ ты откликнулся

Пѣснями!

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Я запретилъ бы „Продажу овса и сѣна“...
Вѣдь это пахнетъ убійствомъ отца и сына?
А если сердце къ тревогамъ улицъ пребудетъ глухо,
Руби мнѣ, грохоть, руби мнѣ глупое, глухое ухо!

Страннопріимный домъ для вѣтра,
Или гостиницы весны
Вотъ, что должно разсыпать щедро
По рынкамъ выросшей страны.

7.

За отрядъ улетѣвшихъ утокъ,
За сквозной походъ облаковъ
Мнѣ хотѣлось отдать кому то
Золотые глаза вѣковъ.

Тамъ сжимались поля, убѣгая,
Словно осенью старья змѣи,
Такъ за синюю полу гая
Ты схватилась, отъ дали нѣмѣя,

Что мнѣ стало совсѣмъ не страшно:
Вѣдь какія слова ни выстрой,
Все равно стоять въ рукопашной
За тебя съ пролетающей быстрью;

А крылами взмахнувшихъ утокъ
Мнѣ прикрыла лишь осень очи,
Но тебя и слѣпой зову такъ
Что изодрано небо въ клочья.

ОСАДА НЕБА

Богдану

Сердечъ отчаянная троя
Не размела времянь пожаръ еще,
Не изгибайте въ дикомъ строѣ,
Впередъ, впередъ, впередъ, Товарищи!

Эй, эй! Одинъ склоняетъ вѣки,
Хватая день губами мертвыми,
Взвивайте горы, грозы, рѣки —
Онъ нашъ, онъ нашъ, онъ вѣчно гордъ вами!

Эй, эй! Онъ братъ намъ, братъ намъ, братъ намъ
Его, его земель и правъ длинна...
Не будетъ здѣсь на вѣтрѣ ратномъ
Его дыханіе окровавлено.

Увидите: на морѣ это
На сухопутѣ и на вѣздухѣ!
Такая ль воля—не допѣта,
Пути ль не стало этой поступи...

Гляди, гляди больнѣй и зорче,
Еще, еще, еще на міръ очуй,
Мы бьемъ, мы бьемъ по кольцамъ корчей,
Идемъ, идемъ къ тебѣ на выручу.

ПОЖАРЪ НА БАРЖѢ

Мы издали увидѣли
Бѣщающій тоску,
Взлетѣвшій со святителя
Раскутанный лоскутъ.

Матросовъ смытыми клеймами
Играють влажныя волнъ ямы:
„Великомученикъ Пантелеймонъ“
Исписанъ синими молніями.

Сталь еще святѣе, надѣвъ, ушкой,
Золотой, косматый вѣнокъ.
Вѣтеръ вертитъ огонь, какъ дѣвушку,
У ея задыхаясь ногъ.

Послѣдней водой лелѣемый,
Въ половину четвертаго,
Падаетъ Пантелеймонъ,
Мачты медленно перевертывая.

ВЫБИТО НА ВѢТРѢ

Днѣпоръ! Кипящія пясти
Чарноморець! Въ темную бороду!
Впуталъ! И рвешь на части!
Гирло подставивъ городу!

Слово?—Нѣтъ оплыву я
Вѣчноглубыя эти жалобы.
Зашиби лыбу большую
Бѣлолобая глыба палубы

Колыбелью улыбокъ выбить
Сонъ о пѣнистомъ лепетѣ...
Крикъ вашъ хочется выпить, Ахъ!
Съ волнъ полетѣвшіе лебеди.

Глухо закованъ въ версты,
Выданъ водѣ и дивени—
Вамъ подражаетъ острый
Кличъ человѣчья имени!

ГРАНИЦА

Гляжу съ улыбкой раба;
Одного за другимъ подъ знамена
Грозясь несесть велеба,
Взывая въ даль поименно!

Какой человѣкъ въ подъемникѣ
Подбросился вверхъ, какъ мячикъ!..
— Склонились внезапно домики
Для взоровъ искусно зрячихъ,

Ихъ много вдали игрушечныхъ
Свалилось, какъ черный козырь,
Когда отъ дыханій пушечныхъ
Бѣжали по небу розы.

Свѣтись о грядущей младости
Еще не живое племя..
О, Время! Я радъ, что я достигъ
Держать тебѣ нынче стремя.

Москва, Октябрь, 1914.

ЗАПОВѢДНАЯ БУЩА

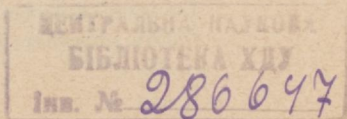
Триневластная твердыня
Заневоленныхъ сердецъ
Некуда дремлюгъ нынѣ,
Некуда отъ шумей дѣться:

Мечутся они во станѣ,
Ярествують на груди
А въ тѣ дни смѣясь предстанетъ
Вѣзичъ вѣзей впереди!

Бунъ на полянѣ Цвѣтляны
Осень взбѣжала—Олень,—
Только твои не сгубляны
Ясовки яблочный день

Только твои не срубляны
Бѣлые корни небесь,
Дивится дѣлу Цвѣтляны
Дѣтская доля живесь.

Москва, 1913.

МИХАИЛЬ ЛЕРМОНТОВЪ

БЫЛЪ НЕСЧАСТЕНЪ: НИКѢМЪ
НЕ ВИДИМО КРИВЛЯЯСЬ, КАКЪ
ЧЕРВЯКЪ ПОДЪ ПЯТОЮ.

„Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать—нельзя“

Видючи—лукавыя руки,
Знаючи—тумановъ цвѣтъ,
Помнючи—предсмертныя муки,
Слушайте—звоночки монетъ

Блеянье бѣднаго разбѣга
(Нѣтъ, онъ теперь не высокъ!)—
Тлѣйте же, волосы Казбека,
Счесанные вѣтромъ на високъ.

Умыйница лиховеселья,
На дикія радость-сердца
Зачѣмъ наступила газелья,
Какъ воды смутила зерцать?

И медленна и желанна
И хитростная—щедра—
Со усть облетѣвъ—неустанно—
Опять налетала чадра?

И тотъ, кто тлѣть, повержень
За скальной, опасной тропей
Винтовки промѣрянный стержень
Оставилъ слѣдить за тобой!

Пройди къ повороту и скройся
Изъ пыльныхъ недѣль навсегда,
И день мой персидскій утройся,
И пѣной покройтесь года!

БРЕГОВЪГЪ

Зазмѣившись проплыла,
Грозныхъ вдаль отбросивъ триста,
Въ море—памяти скула—
Въ слезы взмыленная пристань

Даже высушена соль...
Даже самый вѣтеръ высохъ,
Но морей нѣмая боль
Желтымъ свистомъ пляшетъ въ лицахъ

И въ колѣни моряка,
Опрокинувъ берегъ плоскій,
Перерѣжуются вѣка
Чернымъ бокомъ миноноски.

Уплывающимъ—привѣтъ,
Остающимся—прощенье—
Насъ—ни здѣсь, ни съ тѣми нѣтъ
Мы—вѣдь вѣчности вращенье!

СОРВАВШІЙСЯ СЪ ЦѢПЕЙ

Б. Пастернаку

Мокроту черныхъ верстъ отхаркавъ,
 Полей привѣтствуемъ измѣной—
 Еще влетитъ впотьмахъ подъ Харьковъ,
 Шипя морской осенней пѣной;

И вдругъ глаза во снѣ намокнуть,
 Колеса сдавить рельсъ узкій,
 Нагрянеть утро, глянуть окна
 На осень въ новомъ недоудкѣ;

А подойдешь къ нему подъ Тулой,
 Забыть ладонь на поршнѣ жаркомъ:
 Осунувшійся и сутулый
 Въ туманѣ роется огаркомъ.

Но—опыленъ морскою пѣною,
 Сожравъ просторы сна и лѣни,
 Внезапно засвиститъ онъ: „Генуя!“—
 И въ море влѣзетъ по колѣни.

ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЬ

Простоволосыя ивы
Бросили руки въ ручьи.
Чайки кричали: „Чи вы?“
Мы отвѣчали: „Ничьи!“

Бьются Перунъ и Одинъ,
Въ прасини захрипѣвъ;
Мы жъ не имѣемъ родинъ
Чайкамъ сложить припѣвъ.

Такъ развѣвайся надъ прочими,
Вѣтеръ, суровый утонченникъ,
Ты, разрывающій клочьями
Сотни любвей оконченныхъ.

Но не умрутъ глаза—
Міръ ими видѣли дважды мы.
Крикнуть сумѣютъ назадъ
Смерти приспѣшнику каждому.

Тамъ, гдѣ увяли ивы,
Гдѣ остываютъ ручьи,
Чаякъ, кричащихъ „Чи вы?“—
Мы обратимъ въ ничьихъ.

ОТКРОВЕНІЕ

Тотъ, кто передъ тобой никъ,
Запѣвши твоей свирѣлю,
Былъ такой же разбойникъ,
Тебя обманувшій смиреньемъ.

Изъ мочекъ рубины рвушій
Свой гнѣвъ теперь на него лью,
Чтобъ холенныя уши
Рвануть огневою болью.

Пускай не одинъ на свѣтѣ,
Но я—передъ нимъ вѣдь нищій
Я годы собралъ изъ мѣди,
А онъ перечелъ ихъ тыщи.

А! Если бъ узнать навѣрно,
Хотя бъ въ предсмертномъ хрипѣ,
Какъ желты въ Сити соверны—
Я море бы глоткой выпилъ

А если его избранникъ
Окажется среди прочихъ,
Какъ изъ подъ лохмотьевъ рваныхъ,
Мой ножъ заблеститъ изъ строчекъ.

И вотъ, оборвавъ смиренье,
Кричу, что передъ тобой никъ
Душистой робкой сиренью,
Тебя не узнавшій разбойникъ.

СКАЧКИ

Жизнь осыпается пачками
Рублей, на осеннемъ свѣтѣ
Въ небѣ—какъ флагъ надъ скачками,
Облако высинилъ вѣтеръ...

Развѣ жъ не Богъ мнѣ васъ даль?
Что жъ . . . надѣвши время,
Воздухъ вокругъ загваздалъ
Грязью призовъ и премій.

Онъ мнѣ всю жизнь глаза ѣсть,
Давъ въ непосильный даръ ту,
Кто, какъ звонокъ на заѣздъ,
Съ нимъ меня гонить къ старту.

Я обгоню въ вагонѣ,
Скрыться рванусь подъ крышу,
Грохоть его погони
Уши зажму и слышу,

Слышу его, какъ въ рупоръ,
Спину сгибая круто,
Рубль зажимая въ руку
Самоубійцы Брута.

ПРОКЛЯТІЕ МОСКВѢ

Съ улицъ гастроли Люце
Были какой-то небылью,
Казалось—Москвы на блюде—
Одинъ только я неба лью.

Нынче кончалъ скликать
Въ грязь . . . и бань его я,
Что онъ стоитъ въ вѣка
Званье свое вызванивая.

Развѣ шагнуть съ холмовъ
Трудно и выйти на поле,
Если до губъ полно
И слезы весь Кремль закапали

Развѣ одной Москвой
Желтой живемъ и ржавою,
Мы бы могли насквозь
Небо пробить державою.

Развѣ Кремлю не стыдъ
Руки скрестить великія
Ну такъ

.

Царь играет на вѣтреныхъ гусяхъ
У звѣрей молодого села,
На снѣга, засинѣвшіе грустью,
Упадали морщинки съ чела.

Левъ, лицомъ обращенный ко звѣздамъ,
Унесенные пляской олени,
На Него ополчившійся ростомъ
Слонъ, лазури согнувшій колѣни.

Все сосущее солнечный разумъ,
Поднимавшее силу и славу
Про тебя пролетѣвшимъ рассказомъ
Приминаетъ шуршащую траву.

Но, расправивъ надъ горечью зори
И закинувъ росы рукава,
Царь ушелъ, унося ихъ во взоръ,
Переставъ за тебя ликовать.

ТУНЬ

М. М. Уречиной

Ты въ маскѣ электрической
Похаживаешь мимо,
А я—на Донъ, на Донъ, на Донъ
Зову тебя очима.

Не сонъ моя, не тѣнь моя,
Не голосъ мой не звученъ:
Я горшими мученьями
Во младости замученъ.

Но тамъ рука, но тамъ нога
И день мелендевьеть
И я брожу, ищу врага
Что встрѣчиться не смѣеть!

Пустыннымъ паломъ похоти
Перепалило роды,
А здѣсь въ милейномъ хохотѣ
Залащиваютъ годы.

На тѣлѣ на порубанномъ
Похаживаетъ воронъ
И сладко намъ и любо намъ
Сходиться взоръ со взоромъ

Не вѣдаю ни вѣтра я,
Ни холода, ни зноя:
Прими, другиня щедрая,
Безмечнаго героя.

Лежу—лежу, пою—пою
И ночь моя короче:
Пойдемъ на Донъ, на Донъ, на Донъ
Свести на очи очи.

ГУДОШНАЯ

Титлы черные твои
Разберу покорничымъ,—
Ай люли, ай люли,
Разберу покорничымъ.

Духомъ, сверкомъ, злосемъ взрой
Убери обрадову;
Походи крутой игрой
По накату адову.

Опыланью пореки
Радости и почести—
Мразовитыя руки
Слѣдъ на миломъ отчествѣ.

Огремли глухой посуль
Племени Баянова,
Прослышаемъ нами гуль
Струньенника пьянаго.

Титлы черные твои
Киноварью теплятся,
Ай люли, ай люли,
Киноварью теплятся

ШЕПОТЬ

Братецъ Наянъ,
мало по малу
выполземъ къ валу
старыхъ времянъ.

Видишь стрекачъ
Чертить раскосый
Желтополосый
Лукъ окарячъ.

Гнутся холмы
съ бурнаго скока,
черное око
выцѣлимъ мы.

Братецъ Ивашко,
Гнутень ослабъ,
Конскій охрапъ
Тянется тязко.

Млаты въ ночи
нехристя очи,
платъ оболочій
мечеть лучи.

Братецъ Наянъ,
Молвлено слово,
Племени злова
Сномъ ты поянъ.

Я на межу
черныя рати
мги наложу
трое печати;

Первою мгой
Сердце убрато,
Мгою другой
Станетъ утрата.

Отческій станъ
третьей дымится,
Братецъ Наянъ,
что тебѣ снится?

Стяни поясъ туже,
Страхни кудри ниже,
Повѣй, повѣй, друже,
Къ ставкѣ княжей ближе
Золотой бородою.

Пождешъ мила брата
Къ темнымъ коновязямъ:
Зовешъ солнце—млада
Величати княземъ—
Золотой бородою.

Тѣ свѣтлыя ночи
Прославляти струнамъ,
Что собирать дороги
Съ великимъ Перуномъ
Съ золотой бородою!

Ой, въ плясь, въ плясь, въ плясь!
Есть князь, князь, князь—
Свѣтлоумный, рѣзвоногій,
Намъ его послали боги.

Ой, ясь, ясь, ясь!
Есть князь, князь, князь!
Какъ твой первый бѣгъ,
Буди быстръ весь вѣкъ.

Какъ ты всѣхъ упрежалъ,
Предъ тобою кусты
Подъ покровомъ тьмы
Преклонялися,

А до насъ добѣжалъ.
Свѣтлоликій ты,—
Предъ тобою мы
Разсмѣялися.

Ой, въ плясь, въ плясь, въ плясь!
Есть князь, князь у насъ,
Свѣтлоликій, рѣзвоногій,
Намъ его послали боги!

Перуне, Перуне,
Перуне могучій,
Пусти наши стрѣлы
За черныя тучи.

Чтобъ къ намъ бы вернулись
Пѣвучія стрѣлы,
Но каждую выдай
По лебеди бѣлой.

Чтобъ витязь бы ѣхалъ
По пяди отъ дому,
На каждой бы встрѣтилъ
По туру гнѣдому.

Чтобъ мчались кони,
Чтобъ цѣлились очи:
Похвалимъ Перуне
Владѣтеля мочи.

Дорогая царевна,
За печалой лабою
Поклонюсь тебѣ земно,
Посмѣюсь надъ тобою.

То не первая удалъ
Разминаетъ намъ плечи,
То твой батюшка сударь
Ударяетъ на вѣче.

За былую повагу,
Накрестяся бердышами,
Точить мертвую брагу
Горстевыми ковшами.

За твою оборону,
За бѣду супостаты
Наковаль на корону
Огневые сверкаты,

А ты вынесешь тяжесть,
А ты выступишь прямо,
Хмѣлемъ сумрачныхъ бражествъ
Покачнутая мамо,—

Да не вѣдаетъ недругъ,
Что собираются капли,
Что съ грудей твоихъ щедрыхъ
Каплютъ новыя капли.

ПѢСНЯ СОТЕНЪ

Тулумбасы, бей, бей,
Запороги, гей, гей!
Запороги-вороги—
Головы не дороги.

Доломаны—быстрь, быстрь,
Похолонимъ Истрь, Истрь,
Хоролужье паново
Перемѣтимъ наново.

Чубовье раскрутимъ,
Разовьемъ хоругвь путемъ,
А тугую сутемъ—
Раньше свѣта разметимъ!

То ли не утѣха ли,
Соловейко-солоду,
То ли не порада ли,
Соловейко-солоду—

По грудямъ ихъ ѣхали
По живому золоту,
Ѣхали не падали
По глухому золоту

Соловее, вѣй, вѣй
Запороги, гей, гей
Запороги вороги—
Головы не дороги!

ПЛЯСКА

Подъ копыта казака
Грянъ брань, гинь вранъ—
Киньтесъ брови на закатъ—
Янъ, Янъ, Янъ, Янъ!

Копья тлѣють на западѣ
У вражьяго лика,
Размочалься, лапотъ
Желѣзнаго лыка.

Закружи кунтуши,
Горячее вѣйло,
Изъ погибшей души
Яснаго Ягейла.

Закачался туманъ
Не надъ булавою,
Закачалъ нашъ панъ
Мертвой головою.

Перепутались дни,
Раскатились числа,
Кушакомъ отяни
Души наши, Висла.

Времени двоякаго
Пыль дымить у Кракова.
Въ свистъ сабель, въ блескъ пуль
Пляшетъ круль, пляшетъ круль.

ПѢСНЯ ОНДРІЯ

Раскосое желтоволосое чучело
Фыркало на меня, буркалы пучило.
Какъ стояли рыцари подъ Дубномъ,
Ой смерти!
Помолкали полковыя трубы,
Ой смерти!
Заунывнымъ ты дрожала бубномъ,
Ой смерти!
Отуманью занѣмляла губы,
Смерть, смерть.
Не на двадцать весенъ сердце билось,
Ой, смерть,
Не на двадцать ходуномъ ходило,
Ой смерти!
А и вотъ она лихая хилость,
Ой смерти!
А и вотъ казацкая могила,
Смерть, смерть.
Ты не дуй мнѣ въ очи, вѣтеръ Божій,
Ой смерти!
Не гони въ лицо истому злую,
Ой смерти!
Какъ паду подъ чучельной рогожей,
Ой смерти!
Мертвымъ усомъ землю поцѣлую,
Смерть, смерть!

З О В Ъ

Мечами просѣкають людскіе голоса тоскующее время,
Овсюду трескъ и блекоть, оскалы и озѣвы, какъ уши
мнѣ зажать,
Чтобъ вывести изъ мѣры коснѣющаго тука воинственное
дремя,
Врематяя дружины сомкнуть окрай межины, грозить и
одружать.

Теки, токуя, туча! Ножи нагіе, нѣжьте!

Кто прѣтъ, предкамъ преданъ, впередъ приходитъ
прежде.

Но нѣтъ, не кости дѣдовъ гора извергнетъ въ дымахъ
Помолвьями иными рудая свищеть брага,
Смотри, какъ ихнихъ коней помолный вынесъ вымахъ,
Земля горить и гнется отъ ихъ шального шага!
Издrevле мучить мочью окличье „Мірѣ орѣй!“
И нынче туга тужить семью словобырей.

БОЕВАЯ СУМРОВА.

Мѣняемъ прицѣль небосвода
 На сумерки: тысячу двадцать!
 Не сердцу-ль чудесь разорваться
 За линіей чернаго года?

На городъ, заросшій глухими криками,
 За мановенье ока,
 Давно ли сами буйно вы кликали
 Конницу отъ востока?
 Когда же тѣсно стало отъ говора,
 Вы пали на землю, кружась въ падучей.
 Горячимъ грохотомъ желѣзныхъ сковородъ
 Васъ отрезвить ли военный случай?
 Въ лавкахъ, набитыхъ тревогой кувыркомъ
 Аршиномъ смѣрьте, что есть хвалить вамъ,
 Не завтра ль выданы смертельнымъ сумеркамъ
 Пойдете къ пѣснямъ Вы и къ молитвамъ?

Пусть же алое полымя
 Каждое сердце крестить,
 Слушайте тамъ, за долами
 Маршъ, зазвенѣвшій вмѣстѣ:
 „Сердце ударами венъ громи,
 Пусть заростетъ тропа та,
 Гдѣ обезчещено Венграми
 Бѣлое тѣло Карпата“.

Пядь за пядью все рѣже, рѣже тамъ
Встаютъ, шатаясь, озябшія кости,
Кричатъ: вы горы, зажатые скрежетомъ
Зубовъ желѣзныхъ—на насъ не бросьте.

Кто закричалъ тамъ: Съ ними, съ ними,
Съ ними пусть будетъ каждое имя,
Забитое вѣкомъ. Пусть древнія узы
Карпатскихъ горныхъ породъ
Не оборвутся! Музыка
Впередъ, впередъ!

„Сердце ударами вень громи
Пусть заростетъ тропа та,
Гдѣ обезчещено Венграми
Бѣлое тѣло Карпата“.

НАДЪ ГОПЛОЙ.

Дулъ ли вѣтеръ не въ лѣто теплый
Или встала иная чара,
Что опять надъ шипучей Гоплой
Человѣчья лютая свара.

Валомъ валятся въ небѣ тучи,
Закипаетъ дождь на осинѣ,
Это хвостъ ударяетъ щучій,
Пробиваясь сквозь шерешъ синій.

Это вновь на пирушкѣ Попель
У дому, у домови Пяста—
На вѣка загулялъ и пропиль
Дорогія княжія яства.

Возставай Земовить изъ нови
На свои веселыя ноги,
Оброни съ величанной брови
Что тебѣ обѣщали боги.

ГРЕМЛЬ—1914 годъ

Пламенный плясъ скакуна,
 Проплескавшего плашменной лапой,
 Надъ душой—вышина
 Верхоглавье весны свѣтлошапой.

Въ этомъ тихомъ дождикѣ
 Ахъ какая жалость!
 Ъхалъ на извозчикѣ—
 Сердце разорвалось.

Не палять сіянiя
 На Иванъ Великій,
 Просяъ подаянiя
 Хитрые-калики.

Точать пеню слезную,
 А изъ глотокъ пламя,
 Движутъ силу грозную,
 Машутъ костылями.

„Пейте, пейте бѣсиво,
 Сучьи перебѣжки,
 Прокатайтесь весело
 Въ чертовой телѣжкѣ“.

„Напивайтесь допьяна
Бѣшеною сытой,
А князьеvy копы на
Попадетъ упитый!“

Дни и ночи бѣгая,
Не уйдешь отъ чуда...
Гей, лошадка пѣгая,
Увози отсюда!

Двери глухо заперты,
Пожелтѣли книги,
Никогда на паперти
Не звенять вериги.

Галстучекъ горошками
Вѣтриво трепался,
Поднималъ надъ рожками,
Поднималъ три пальца.

Тамъ надъ половодьями
Холодѣла давечь,
Пало подъ ободьями
Пало тѣло навзничь.

Надъ Иваномъ растеть вышина,
То подъ небомъ слезою омытомъ,
То: огонь острогонъ скакуна
Изъ весны выбиваетъ копытомъ.

ОБЪ 1915 г.

Серпъ на ущербъ притягиваетъ моря
 И онѣ взойдутъ на берегъ; шелками хлюпая.
 Вотъ, волнъ вамъ ихъ ропоть покоряя,
 Привидится эскадра бѣлотрубая.
 Гербъ серба сорвала слишкомъ грубая
 Рука. Время Европу расшвырять.

Пусть рушатся колѣни зданіи въ огнѣ,
 Пусть исказится за чертою черта
 Поношенной морды міра. Божьяго гнѣва
 Я слышу голосъ у каждаго рта.
 Страны ли стали Вамъ дѳроги? Слышите, больше ихъ
 нѣтъ:
 Данія—знакъ съ колокольной. Бельгія — выстрѣлъ съ
 борта.

Матерой материкъ въ истерикѣ,
 Пули изрѣштели его дочерей черепа,
 Скоро уже—о Вы не вѣрите—
 Вамъ, вамъ, вамъ выступать—
 Только стальной Америки
 Выдвинется презрительная губа.

„ПОВѢИ ВОЯНА“

Вступленіе

Еще никто не стиснулъ брови
Врагамъ за думой одолѣть ихъ
Когда, шумя стаканомъ крови,
Шагнуло пьяное столѣтье.

Какъ старый лѣкарь ржавымъ шиломъ,
Увидя знакъ болѣзни тяжкой,
Онъ отворилъ засовы жиламъ
И бросилъ сгустки въ неба чашку.

Была страна какъ новый рой,
Курилась жизнь, какъ свѣжій улей;
Ребенокъ утренней порой
Игрался съ пролетающей пулей.

Одинъ поеть любовь, любовь, любовь
Во что бы то ни стало!
Другой—мундира голубого
Сверкаетъ свѣжестью кристалла.

Но то—разсерженный грузинъ,
Осиною скосивши талью,
На небо синее грозилъ,
Свѣтло—отплевываясь сталью.

Но то—въ предѣлы моряка,
Знамена обрывая въ пѣну
Вкатилась
.

Еще смертей двойныхъ, тройныхъ
Всходилъ опары воздухъ слобный,
А ужъ—труба второй войны
Запѣла жалобно и злобно.

Пускай тоски и слезъ и сна
Не отряхнешь въ крови и чадѣ;
Мнѣ въ ноги брякнулась весна
И молитъ пѣсенъ о пощадѣ.

ВЕСНА ВОЙНЫ

Захлестанная вѣтрами слѣпая лошадь, весна
Кричала отъ страха боли, тумановъ, бѣльма выкатывая,
Я вышелъ узнать, въ чемъ дѣло, что улица стала тѣсна,
Зачѣмъ столпилась на площади, плача, толпа плакатовая.

Но только ступилъ съ поѣзда—и самъ захлебнулся отъ
слезъ:

Ее уже подкосило, и только изъ грязи гривы флагъ
Трепался надъ мостовой, и я его—вотъ принесъ
И пару ногъ ея, трижды вѣтрами вывихлыхъ.

Смотрите: здѣсь нѣтъ и помина
Того, что прошло на землѣ,
Чье солнце, какъ пламя камина,
Потухло величія лѣтъ.

Гдѣ разомъ сарматскія рѣки,
Сгибаясь желѣзной дугой,
Открыли ледяныя вѣки
И берегъ явили нагой.

Гдѣ въ свивахъ растерзанныхъ линій
Запѣла шемащая давка—
Какъ тысячеструнныхъ Румыній—
Сердецъ, покачнувшихся навкось.

То взора—томителенъ промахъ,
То—сердце, отгрянувши, ухнетъ,
А сколько отпущено грома
Въ замокъ запираемой кухни?

Полковъ почернѣвшая копотъ
Обвѣшала горныя тропы,
Имъ любо, имъ бѣшено топать
Въ обмерзшія уши Европы.

И пали осеннія травы
Пугливаго конскаго храпа,
Гдѣ, ранена, Русская Рава
Качаетъ разбитою лапой.

Вы, руки! Держать не можете. Падите мертвѣя на земь,
Пускай боевыя лошади пройдутъ за Кубанскимъ княземъ.
Вы, кони! Въ привычномъ ужасѣ, храпите, осѣвъ на крупы!
Уже въ придорожной лужицѣ купаются тихо трупы.

Пусть новую вывѣсятъ выдумку
Надъ стеклами новыхъ націй,
Какъ будто тому въ крови дымку
Не все равно гдѣ взорваться!

Всѣ мысли безумьемъ вымыты,
Земля опоясалась въ гуль...
Теплѣйте холодные климаты
Огнемъ разряжаемыхъ дуль.

Вѣдь пушки дышали розами,
Клубами алыхъ и чайныхъ
И въ битву вступили озими
Пылая маковъ отчаяньемъ.

И островъ Явы разсерженный
Проплылъ, сотрясаясь въ громахъ,
И остоу яви отверженной
За промахомъ дѣлалъ промахъ.

Но чѣмъ заглушу, и смогу ли,
Печаль одноногихъ людей,
Изъ вьюгъ отлетающихъ въ гуль
Прибитыхъ къ забытой бѣдѣ.

Пусть тамъ на взлетѣвшихъ Карпатахъ
Качаются снѣга цвѣты,
Но—эти улыбки горбатыхъ
Изъ чертополоха свиты.

И къ этому морю ледовитаго мужества
Путей не найдетъ ядовитое дружество.

ПРОБА.

Что руки твои упали,
Еще ничего не зная—
На осеребь легкой стали
Потѣха моя удалая?

Не ты ль поднялась полками
Повыморить городъ моромъ,
Своими свела руками
Къ его желѣзнымъ заторамъ?

Очамъ миловаться сладко,
А сердцу жалѣть невмѣстно...
Плыви колыванью, Златко,
Земная моя невѣсто.

Походъ твой поле полечить,
Годовъ перевѣявъ тридцать,
Сорветъ журавеля кречеть
Къ твоей тугой рукавицѣ.

Куришь кустомъ надъ поляной,
Крути желѣзовье кресью,
Пока жужжавой каляной
Поиму тебя въ занебесьи

А МЫ УБѢЖИМЪ!!

Да опять, единственное трижды,
Ты прекрасно мѣткое лицо,
На откосѣ сердца человѣчья выжди,
Похвались невѣдомой красой...

Дней перетасованныя карты
Лягутъ снова вѣрами вѣръ.
Обративъ ладонью легкій шаръ,
Ты вздохнешь надъ Сѣвѣрною Ширью.
А когда твои апрѣли стихнутъ
Крыльями снѣжинъ,

Чтобы вѣчно не встрѣчаться
Ни друзьямъ, ни домочадцамъ,
Задохнувши прежней прелести,
Мы изъ міра убѣжимъ!

ГРОЗУВА

Какъ ты поднимаешь желѣзо,
Такъ я забываю слова:
Куда погрохочетъ съ отвѣса
Глухая твоя булава?

Какъ птицы, маячатъ присловья,
Но мнѣ полонянна—одна:
Подыметъ поступы любовья
До давьяго дневьяго дна.

По крыльямъ желѣзной жеравы
Стекаетъ поимчивый путь,
Добычить лихія забавы
Ея бѣлометная грудь:

Вѣтровъ перемѣривши шелкомъ
Беззвучій твоихъ глубину,
Я вызвѣжжусь на небѣ желкломъ,
Помолнѣями въ мѣръ полыхну—

Чтобы ты о, печале Роксано,
Вершала могучій потустъ,
Ничьею рукой не касана,
Ничьихъ не касаетъ устъ.

У САМАГО СИНЯГО

Синеусое море хитро
Улыбается лаковымъ глазомъ...
А я, умирая, вытру
Изъ памяти разомъ
Тебя и другую красавицу:
Тонкорукую, робкую Тускаръ,
Пролетѣвшую ножкою узкой
Отъ путивля до старенькой суджи
(Засыпающихъ сказки дѣтей)...

О, разсыпся измѣною тутъ же,
Инописецъ старинныхъ бытей.

Какъ же забыть мнѣ бѣлые лапти?—
Вѣдь онъ раскинулся усами синими,
Вѣдь полдню хочется крикнуть: „Грабьте
Его жаркими нынями“.

Вѣдь мгновению вѣренъ и крѣпокъ—
Закипаетъ, встаетъ на дыбы;
И не мной же онъ выверченъ—слѣпокъ
Покоренной приморьемъ судьбы:
О, не съ рукъ ли отряхивая бури,
Ломая буйности рога,
Подъ трубы Труворовы Рюрикъ
Взлетѣлъ на эти берега.

И—вновь закипѣвшіе признаки бѣдствій.
Я вижу въ опасномъ морскомъ сосѣдствѣ.

Я знаю; всѣ плечи смѣло
Ложатся въ волны, какъ въ простыни,
А Ваше лицо изъ мѣла
Горитъ и сыплется звѣздами;

Васъ море держитъ въ ладони,
Съ горячаго снявъ песка,
И кажется: вотъ утонетъ
Изгибъ золотистаго виска.....

Тогда разорвутся губы
Огъ злой и голодной ругани
И море пойдетъ на убыль
Задомъ, какъ звѣрь испуганный.

И станетъ коситься глазомъ
Въ небо, за помощью, къ третьему,
Но брошу лопнувшій разумъ
Съ размаха далеко вслѣдъ ему.

И буду плевать безъ страха
Въ лицо имъ дары и таинства
За то, что твоя рубаха
Одна на песокъ останется.

МОРСКОЙ ШУМЪ

Двѣ слабости: шпилекъ и килекъ...
А въ горячее лѣто
Море цѣлитъ навывлетъ
Изъ зеленого пистолета.

Но, схвативши за руку вѣтеръ,
Позабывшее все на свѣтъ,
Въ лицо ему мечеть и мечеть
Лѣто горячія рѣчи;

О! Море—какъ молодецъ! Весь онъ
Встряхнулъ закипѣвшія кудри,
Покрытый ударами пѣсенъ
О гнѣвомъ зазнавшемся утрѣ.

Ты вся погружаешься въ пѣну,
Облизанная валами,
Но черную похоти вену
Мечтой разсѣку пополамъ я

И завтра, какъ пристани взмылять,
Какъ валомъ привалится грудь:
На вылетъ, на вылетъ, на вылетъ,
Меня разстрѣлять не забудь.

И ПОСЛѢДНЕЕ МОРЮ

Когда затмилось солнце,
Я легъ на сѣрый берегъ
И ѣлъ, скрипя зубами, тоскующій песокъ...
Тебя запоминая
И за тебя не вѣря,
Что можетъ оборваться межмірный волосокъ.

Всползали любопытно по стѣнамъ смерти тѣни
И лица укрывала сѣдая кисея...
Я ощущалъ земли глухое холодѣнье,
Но вдругъ пустынный воздухъ—вздохнулъ и просіялъ!

Ты чувствуешь въ напѣвѣ скаканье и касанье?
То были волны, волны! Возникнуть и замрутъ...
Я вспомнилъ о Тосканѣ, гдѣ царствовать Оксанѣ

И вотъ тебѣ на память навѣки изумрудъ.

Еще! Исковерканный страхомъ,
 Колѣни молю исполина:
 Здѣсь все разсыпается прахомъ
 И липкой сливается глиной!

Вотъ день: онъ проползъ безъ тебя вѣдь,
 Упорный, весеній и гладкій,
 Кого же мнѣ пѣсней забавить
 И выдумать на ночь загадки?

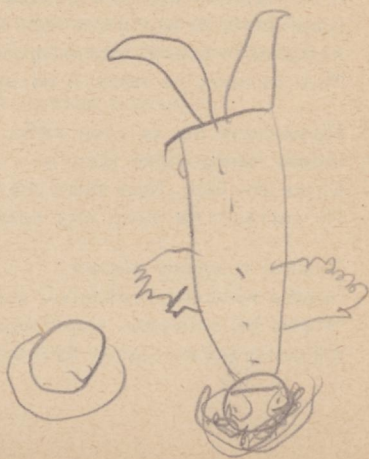
А вечеръ въ шелкахъ раздушенныхъ
 Кокетливъ, невиненъ и юженъ,
 Расцвѣтши сквозь сотни душенокъ,
 Мнѣ больше не милъ и не нуженъ.

Притиснуть бы за руки небо,
 Опять наигравшее юность,
 Спросить бы: „Такъ боль эта—небыль?“
 И—жизнью въ лицо ему плюнуть!

Зажать голубыя ладони,
 Чтобы выдавить снѣжную просьду,
 Чтобы въ зимнемъ, зашедшемъ стонѣ
 Безумье услышать—и бросить!

А можетъ мнѣ вѣрить ужъ не съ кѣмъ
И міръ—только страшная морда
И только по пѣсенкамъ дѣтскимъ
Любить можно вѣрно и твердо:

„У облакъ темнѣютъ лица
А слезы ты знаешь солены жъ какъ?
Въ какомъ мнѣ небѣ залиться,
Сестрица моя Аленушка!“

Если ночь всё тревоги вызвѣздить,
Какъ платокъ полосатый сартовскій,
Проломаю сквозь вечеръ Мартовскій
Млечный путь, наведенный извѣстью.

Я пучкомъ телеграфныхъ проволокъ
Отъ арктура къ большой медвѣдицѣ
Исхлестать эти степи пробоваль
И въ длинѣ ихъ спинь разувѣриться.

Но и тамъ истлѣваетъ высь вездѣ,
Какъ платокъ полосатый сартовскій,
Но и тамъ этотъ вечеръ Мартовскій
Надъ тобой поблѣднѣлъ и вызвѣздилъ.

Если бѣ даже не эту тысячу
Обмотала ты верстъ у пояса:—
Все равно отъ меня не скроешься,
Я до ногъ твоихъ сердце высучу!

И когда бы любовь-притворщица
Ни взметала тоски грозу мою,
Кожа дней, почернѣвши, сморщится,
Такъ прожжетъ она жизнь разумную.

Если мнѣ умереть—вѣдь и ты со мной!
Если я—со зрачками мокрыми—
Ты горишь красотою писаной
На строкѣ, прикушенной до крови.

Оттого ли, грустя у хруста,
У растущаго остро стука
Синева онѣмѣла пусто,
Какъ въ глазахъ сумасшедшихъ—мука.

Раздушенный ли воздухъ слишкомъ,
Слишкомъ скоро тоской растаявъ,
Какъ и я по кричащимъ книжкамъ
Лишь походку твою оставилъ.

Или вѣтеръ, сквозной и зябкій,
Надувающій болью уши,
Какъ жидовскія, треплетъ тряпки,
По тебѣ свои мысли сушить?

Онъ, какъ я, этотъ южный рохля,
Забивающій весны клиномъ
Безъ тебя поблѣднѣлъ и проклятъ
И туда—еслипустишь—хлынемъ.

Забывай насъ совсѣмъ, или бросься
Черезъ звѣзды, сквозь злобный кругъ ихъ,
Чтобъ разбить этихъ острыхъ розсыпь—
Эту пригоршню дней безрукихъ.

Когда земное склонить лѣнь,
Выходить стѣнью тѣни лань,
Съ вѣтвей скользить, бѣлѣя, лушь,
Волну сердито взроетъ линь.

И чей-то станъ колеблетъ сонъ,
То можетъ панъ, а можетъ пень...
Изъ тины тѣнь, изъ сини сонъ
Пока на Донъ не ляжетъ день.

А коса твоя—осени сѣнь—
Ты звѣздамъ приходишься родственницей.

Какъ желтыя крылья иволги,
Какъ стоны тяжелыхъ выпей*,
Ты пѣсню зажги и вымолви
И сердце тоскою выпей!

Вѣдь здѣсь—какъ подарокъ царскій—
Такъ свѣтится солнце кротко намъ,
А тамъ—огневое сартское
Шатромъ надъ тобой оботкано.

Всплыву на заревой дремѣ
По утренней синей пустынѣ
И—нѣту мнѣ мужества, кромѣ
Того, что къ тебѣ не остынетъ.

Но въ горѣ голубей оправѣ
Всѣ дали вдругъ станутъ тверстыми,
И нечему сна исправить,
Обросшаго злыми верстами.

У облакъ темнѣютъ лица,
А слезы ты знаешь солены жъ какъ!
Въ какомъ мнѣ небѣ залиться,
Сестрица моя, Аленушка?

* Выпь—болотная птица.

У подрисованныхъ бровей,
У пляской блещущаго тѣла,
На маемъ млѣющей травѣ
Душа прожить не захотѣла.

Захоталъ холодный лѣсъ,
Шатались вѣтви, выли дубы,
Когда, юньскій день долѣзь
И впился ей, нѣмѣя, въ губы.

— Когда старѣйшины молчать
Тупыхъ клыковъ лелѣя опытъ—
Не вой ли маленькихъ волчатъ
Снѣга залегшіе растопить?

Ногой тяжелой шли вѣка,
Ушли міры любви и злобы
И вотъ—въ полетѣ мотылька
Ея узнаетъ поступь кто бы?

Всѣ пѣсни желтыхъ ивологъ
Храни, храни ревниво логъ.

ЧЕРЕЗЪ ГРОМЪ.

Какъ соловей, расцѣловавшій воздухъ,
Коснулись дни звенящіе твои меня,
И я ищу въ качающихся звѣздахъ
Тебѣ узоръ красивѣйшаго имени.

Я можетъ сердцемъ до тла изолганъ:
Вотъ повторяю слова—все тѣ же,
Но ты мнѣ въ уши ворвалась Волгой,
Шумишь и машешь волною свѣжей;

Мой голосъ брошенъ съ размаху въ пропасть,
Весь въ черной пѣнѣ качаетъ берегъ,
Срываю съ сердца и ложь и робость,
Твои повсюду сверкнули серьги!

По горло волны! Пропой еще чѣмъ
Тебя украсить, любовь и лебедь,
Я дней, закорчившихся отъ пощечинъ,
Срываю нынче отвѣты въ небѣ!

Ушла отъ меня, убѣжала,
Не надо, не надо мнѣ клятвъ;
У пчелъ обрываются жала,
Когда ихъ тревожатъ и злать!

Но эти стихи я началъ,
Чтобъ только любить иначе—
И злобой своей не очень
По нимъ разгуляется осень.

Привѣтствую тучи съ Востока
Жестокаго вѣтра любви,
Я сжечь не умѣю восторга,
Который мнѣ душу обвилъ.

На мой ли прикликались вызовъ
Иль слава васъ слала сама,
Летящія тучи Гафизовъ,
Сошедшихъ отъ счастья съ ума.

Черны и обуглены видомъ
Въ персидскомъ, въ палящемъ огнѣ,
Летите! Я счастья не выдамъ,
До плечъ подареннаго мнѣ.

Привѣтъ вамъ, руки съ Востока,
Гдѣ солнце стоитъ, изомлѣвъ,
Блѣднѣющее отъ восторга,
Котораго нѣтъ на землѣ.

Нынче поѣздъ ушелъ на Золочевъ,
Ударяясь о рельсы. И вотъ —
Я вставляю стихи на золотъ
Въ опустѣвшій времени ротъ.

Ты еще задрожешь и охнешь,
Когда я, повернувъ твою челюсть,
Поведу паровозъ на Мохначъ
Сквозь колосьевъ сушеный шелестъ.

Я вижу этотъ визгъ и лязгъ
Съ травой въ шумѣ ставшій объ-локоть,
Гдѣ Бога голубой глазъ
Глядитъ на мчащееся облако.

Троица! Стройся, кленовая лѣнь
Въ явственный, праздничный, солнечный день
Троица! Пляшутъ гнѣвливо холмы!
Тамъ, гдѣ истлѣли ковыль и калмыкъ;—

Великодушье—удѣлъ моряка,
Великодушьемъ душа далека,
Ты, даровавший мнѣ жаркую рѣчь,
Дай мнѣ у ногъ и устать и прилечь!

Брошенной тростью, дорожной клюкой,
Въ камень звенящей подъ сильной рукой,
Мы этими вѣтками умъ обогнемъ,
Слѣдя за весеннимъ, взошедшимъ огнемъ.

Я буду волкомъ или шелкомъ
На чьемъ то тѣлѣ незнакомомъ,
Но безъ умолку, безъ умолку
Возникнетъ память новымъ громомъ.

Разсыпсья слабостью песка,
Сплывись безпамятностью глины,—
Но стануть красныя калины
Свѣтиться заревомъ виска!

И мой языкъ, какъ лжи печать,
Сгніеть заржавѣвшимъ желѣзомъ,
Но стануть иволги кричать,
Печаль схвативши въ клювъ за лѣсомъ.

Онѣ замрутъ, онѣ замрутъ,
Послѣдній зубръ умолкъ въ странѣ такъ,
Но вспыхнетъ новый изумрудъ
На гдѣ то мчащихся планетахъ.

Будетъ тѣнь моя бѣситься
Дни впередъ, какъ дни назадъ,
Вѣдь у дѣвушки-лисицы
Вѣчно свѣтятся глаза.

Я пью здоровье стройныхъ устъ
Страны мелькающихъ усмѣшекъ;
Стаканъ весны высокъ и пусть,
Его рукою сердца взвѣшу.

Скажу опять все то-жъ и той,
Которой вы — „Да здравствуй“, кличьте,
Вѣдь жизнь изъ платы зажитой
Мнѣ все равно веселье вычтеть.

Несу, несу иной законъ чинамъ,
Его на свѣжей я тропѣ пѣль:
Пускай надъ каждымъ днемъ законченнымъ
Раздуютъ этой пѣсни пепель...

Надъ селами облакъ высьте рать
Вѣдь скоро мірамъ станетъ дурно:
Вамъ души въ слезахъ надо выстирать
И вывѣсить сохнуть къ сатурну;

И новыхъ наткавъ кумачей и камокъ
Изъ крови лежащихъ въ бердо родовъ—
Я самую бѣлую выбралъ изъ самокъ
Идущихъ на смерть городовъ.

Быль лѣсъ зацвѣтающихъ яблонь
Для кожи веселой ограбленъ,
И косъ надъ прозрачною кистью
Легли виноградные осени листья.

Я все увидѣлъ не настоящимъ,
Гдѣ дали синей почтовый ящикъ,
Туда своей жизни письмо понесу,
У тучъ перенявъ ихъ грозовой галопъ,
И вѣтеръ, ударивъ меня по лицу,
Насмѣшливо свиснеть: „Холопъ“.

Осмѣйте
Разговоръ о смерти,
Пусть жизнь пройдетъ не по моему
Подъ глупое таяванье пушекъ,
И неба зрачки наполнивъ помоями,
Зальется дождемъ изъ лягушекъ.
Я знаю, какъ алчно бѣ
Вы бросились къ этой странѣ,
Гдѣ время убито, какъ вальдшнепъ,
И дни все страшнѣй и страннѣй;
И эти стихи стали пачкой летучекъ,
Которыхъ прочесть никому не посмѣтъ,
Гдѣ краской сырою ложится на тучахъ
„Оксана жизнь и Оксана—смерть!“
Чьи губы новы и чьи руки—не Вы,
Чьи косы длиннѣе и шире Невы,
Какъ росы упали отъ тучъ до травы,

И вѣтеръ новыхъ войскъ: —
Небывшихъ дней толпа
Ведетъ межмірный поискъ,
Гдѣ синій сбить колпакъ
И эту русую росу
И эту красную грозу
Я первый звѣздамъ донесу.

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
1. Безумная пѣсня	5
*2. Кремлевская стѣна	6
3. Фантазмагорія	8
*4. Сомнамбулы	9
5. Торжественно	10
6. Объявленіе	11
7. За отрядъ улетѣвшихъ утокъ	12
8. Осада неба	13
9. Пожаръ на баржѣ	14
10. Выбито на вѣтрѣ	15
11. Граница	16
12. Заповѣдная буша	17
13. Михаилъ Лермонтовъ	18
14. Брегобѣгъ	20
*15. Сорвавшійся съ цѣпей	21
16. Венгерская пѣснь	22
17. Откровеніе	23
18. Скачки	25
19. Проклятіе Москвѣ	26
20. Царь играетъ на вѣтрѣныхъ гусяхъ	27
21. Тунь	28
22. Гудошная	30
23. Шепоть	31

	Стр.
24. Стяни поясъ туже	33
25. Ой, въ плясъ, въ плясъ	34
26. Перуне, Перуне	35
27. Дорогая царевна	36
28. Пѣсня сотень	37
*29. Пляска	38
30. Пѣсня Ондрія	39
31. Зовъ	40
32. Боевая сумрова	41
33. Надъ Гоплой	43
34. Кремль 1914 годъ	44
35. Объ 1915 г.	46
36. Повѣй война	47
*37. Весна войны	49
*38. Пусть новую вывѣсятъ выдумку	51
39. Проба	53
40. А мы убѣжимъ!!	54
41. Грозува	55
42. У самого синяго	36
43. Я знаю; всѣ плечи смѣло	57
44. Морской шумъ	58
45. И послѣднее морю	59
46. Еще! Исковерканный страхомъ	60
47. Если ночь всѣ тревоги вызвѣздить	62
48. Оттого ли грустя у хруста	64
49. Когда земное склонить лѣнь	65
50. Какъ желтыя крылья иволги	66
51. У подрисованныхъ бровей	67
52. Черезъ громъ	68
*53. Ушла отъ меня, убѣжала	69
*54. Привѣтствую тучи съ Востока	70
*55. Нынче поѣздъ ушелъ на Золочевъ	71

	Стр.
*56. Троица! стройся кленовая лѣнь	72
*57. Я буду волкомъ или шелкомъ	73
*58. Я пью здоровье стройныхъ устъ	74
*59. Осмѣйте	76

Стихотворенія, вошедшія въ эту книгу, ранѣ печата-
лись въ „Ночной Флейтѣ“ (М. 1914 г.), „Зорѣ“ (М. 1914),
„Лѣторѣѣ“ (М. 1915), „Ой конин дан окейн“ (М. 1916),
„Руконогѣ“. „Проталинкѣ“, „Весеннемъ контрагентствѣ
музъ“, „Нови“, „Пѣтѣ“, „Московскихъ Мастерахъ“,
„Врялѣ“.—Стихотворенія, печатающіяся впервые, отмѣ-
чены звѣздочкой.

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 286647

ОБЛКНИСОКУЛЫТОРГ
Стор. Листов в 2
Марки № 3 кв. № 2495
Цена 15-147 19 г.

